The doll house
is empty now
SallyMarsh
DEVIANTART.COM

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Формально эта статья повествует о Филипе Киндреде Дике, самом странном фантасте XX века. Точнее, о сверхъестественном опыте Дика, который он обозначал как «2-3-74». За этими числами скрываются февраль и март 1974 года. В 2014 году все желающие могут поднять бокалы за сорокалетие всевышнего вторжения в жизнь знаменитого писателя. Но для нашего разговора это лишь повод.

- Николай Караев
  - ДЕЛО ФИЛИПА ДИКА
  - МИРЫ, КОТОРЫЕ СТРОИЛ ДИК
  - ФИЛИП В НОЧИ
  - РЫБА НЕБЕСНАЯ
  - ТРИ СТИГМАТА ОДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
  - СНЯТСЯ ЛИ ФАНТАСТАМ БОЖЬИ ОВЦЫ?
  - ПРИЗНАНИЯ ПРОЗРЕВШЕГО ФАНТАСТА
  - МНОГОЛИКОЕ ВТОРЖЕНИЕ
  - НАШИ ДРУЗЬЯ ИЗ СТАЛИНА-74
  - ЛАБИРИНТ ПСИХОЗА
  - П.А.Н.Л.Е.М.
  - ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ИЛЛЮЗИЯ
  - ГОСПОДЬ АМНЕЗИИ
  - ЛЕЙТЕСЬ, МОИ СЛЁЗЫ, СКАЗАЛ ЕПИСКОП
  - РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ С СОБОЙ
  - УТЕШИТЕЛЬ В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ
- notes
  - 1
  - 2

Николай Караев
Сквозь мутное зеркало и что там увидел Филип Дик, или Империя и не побеждала

ДЕЛО ФИЛИПА ДИКА

Начать можно было бы и так: «Жил-был фантаст Филип К. Дик. Он родился в 1928 году; его сестра-близнец Джейн умерла во младенчестве. Филип учился в одном колледже с Урсулой Ле Гуин и посещал Калифорнийский университет. Он с детства любил фантастику, первый рассказ опубликовал в 1952 году, первый роман — в 1955-м. Дик написал 44 романа, из которых 33 были опубликованы при его жизни. В книгах Дика часто всплывают темы наркотиков, паранойи, шизофрении и трансцендентального опыта, и это неслучайно — писатель утверждал, что с 1974 года общается с Богом. Судя по всему, психика Дика не выдержала перегрузок, и в какой-то момент он сошёл с ума. Дик был женат пять раз. Он печально известен тем, что писал доносы в ФБР на друзей, коллег и даже на Станислава Лема. Дик умер в 1982 году, чуть-чуть не дожив до премьеры фильма Ридли Скотта “Бегущий по лезвию”, снятого по его роману “Снятся ли андроидам электроовцы?”…» И прочая муть в том же духе.

Филип К. Дик и Ридли Скотт обсуждают, сколько и чего можно состричь с электроовец

Но я буду играть по филипдиковским правилам. Любой человек, пишущий о Филипе Дике, превращается в персонаж Филипа Дика; я — не исключение. Я не гарантирую, что написал правду, но точно не скажу, что именно тут придумано, а что нет. Так же, как Филип Дик никогда и никому не сообщал, что из его

видений истина, а что выдумка (и отличается ли первое от второго). Кажется, он не говорил этого даже самому себе.

> [В последнем я не уверен — из-за A.R.L. Чуть подробнее я расскажу про A.R.L. ниже, но именно что «чуть» — всего не знаю даже я. Текст в квадратных скобках можно не читать, если вы не верите в божественные сущности, потому что A.R.L. именно таков.]

Так что имейте в виду: вы читаете эту статью на свой страх и риск. В ней есть подтекст, который можно понимать и как фантастический, и как реалистический — на ваше усмотрение. В послед- нем случае вы рискуете понять о так называемой реальности слишком многое, а так называемая реальность этого не прощает. Скептики могут воспринять эту статью как хилый закос под НФ-рассказ а-ля Филип Дик. Я не против. [A.R.L. тоже. Ещё бы он был против!] Остальным по секрету скажу: я пишу всё это ради одной-единственной фразы. Желающие отыщут её без труда. Она похожа на романы Филипа Дика больше остальных.

Все упоминаемые в статье люди — в том числе и Дик, и я — это герои Филипа Дика. А как заметил ещё один его персонаж, Станислав Лем, «среди героев Дика — множество наркоманов, истериков, манекенов, управляемых на расстоянии человеческим разумом, фанатиков, однако среди них нет ни одного сумасшедшего». Так что давайте сразу условимся: Филип Дик не был сумасшедшим. И я тоже не безумен, пусть временами вам и будет казаться обратное.

Герой романа Дика «ВАЛИС» Хорславер Фэт (то есть, опять же, сам фантаст: Horselover = лошадник = Филипп по-гречески, Fat = толстый = dick по-немецки; в русском переводе он стал Жирным Лошадником) видит сон, в котором он, будучи ребёнком, ищет в букинистическом старые НФ-журналы вроде Astounding. Среди бездарных космоопер в этих журналах затерялся бесценный роман «Империя и не кончалась», The Empire Never Ended, и Фэт понимал, что если он этот роман прочтёт, то узнает всё на свете. Никогда не угадаешь, на какие тайны напорешься, открывая НФ-журнал, верно?

МИРЫ, КОТОРЫЕ СТРОИЛ ДИК

Жил-был человек, угодивший в клетку реальности. Он называл её Чёрной Железной Тюрьмой. Эта тюрьма была не простая, а из тех, о которых поэт-визионер Уильям Блейк говорил «*mind-forg'd manacles*» — «выкованные сознанием оковы». Сущность её в том, что, когда ты внутри, ты не понимаешь, что ты в заключении. Тебе кажется, что вокруг тебя — самый обычный мир. Нет, этот мир — вовсе не иллюзия; иллюзия заключается в том, что тебе кажется, будто ты на свободе. И она, эта иллюзия, будет сохраняться до тех пор, пока кто-то не постучит по невидимым (тебе) прутьям клетки снаружи. Или ещё как-то расскажет тебе о том, где ты на самом деле. Или (что одно и то же) кто ты на самом деле.

Филип Дик всю жизнь писал про такие оковы. Про иллюзии. Ну или про смещающиеся реальности. Про субъективные миры, вспыхивающие и затухающие в отдельно взятом сознании. Посмотрите сами.

Роман «Глаз в небе» рассказывает о путешествии по четырём воображаемым мирам, порождённым случайно оказавшимися в одном месте безумными людьми. Героям удаётся вырваться в реальный мир, пусть и со скрипом, но это, пожалуй, самый простой пример типичного для Дика сюжета.

«Распалась связь времён» куда интереснее: герой, некто Рэгл Гамм, живёт себе, в ус не дуя, в провинциальном городке, где единственное развлечение — логические задачки в местной газете. Потом Рэгл понимает, что в действительности его городишко и его 1959 год — лишь иллюзия, где его держат как в тюрьме. На дворе — 1998 год, Рэгл — ключевая фигура в затянувшейся войне между Землёй и Луной. Некогда он был главным стратегом Земли, потом переметнулся к лунным колонистам, после чего сознание Рэгла помутили, заставив его поверить в иную явь. Логические задачки — не что иное, как зашифрованные стратегические планы, благодаря которым Земля намерена победить Луну.

В «Предпоследней истине» живущим под землёй людям внушают, что на поверхности идёт Третья мировая, хотя война давно кончилась. Обитающие под небом голубым богатеи всячески обманывают бедных подземельцев и используют производимых ими роботов как слуг. Этим история не ограничивается — в ней есть перемещения во времени и прочая фантастическая чертовщина. В финале по телевизору объявляют, что война закончилась, но… У Дика всегда есть какое-то «но».

В «Марионетках мироздания» фальшивая реальность — поле битвы зороастрийских богов-первоначал Ормазда и Ахримана. Один из них прячется под видом добродушного доктора; как и Рэгл Гамм, этот доктор начисто позабыл о том, кто он такой, — правда, позабыл по своей воле.

В «Трёх стигматах Палмера Элдрича» никто ничего не забывает, но уж иллюзий тут хоть отбавляй. Основной их источник — вернувшийся из экспедиции к Проксиме Центавра магнат, который продаёт новый наркотик. Тот порождает галлюцинации, из которых выбраться невозможно в принципе — что несколько подрывает веру в явь и саму возможность победы.

Джон Леннон мечтал поставить по «Трём стигматам Палмера Элдрича» фильм с битлами в главных ролях (сам он мог сыграть магната Элдрича со стальными зубами, искусственными глазами и механической рукой), чем Дик очень гордился

В повести «Вера наших отцов» жители тоталитарного

государства из-за химикалий в питьевой воде не в состоянии увидеть, что их великий вождь, Абсолютный Благодетель Народа, на деле — инопланетный монстр.

В «Убике» герои выясняют, что их мир — это общая галлюцинация, сумма предсмертных видений, а из внешнего мира до них пытаются достучаться. На этом фантазия Дика не останавливается: в рушащейся квазиреальности возникает некая новая субстанция под названием Убик (от английского ubiquitous, то есть «вездесущий» — прямой намёк на Бога), а в финале открываются такие горизонты, что волосы на голове шевелятся…

Перечислять можно долго, и кое-какие романы, написанные Диком до ключевого в его биографии 1974 года, мы ещё вспомним.

ФИЛИП В НОЧИ

Как пел Булат Окуджава, каждый пишет, как он дышит, — и Филип Дик, если судить по книгам, дышал весьма неровно, в основном — к проблеме отличия истины от лжи. Этот момент замечательно уловил уже упомянутый Станислав Лем, писавший в «Фантастике и футурологии»: «Творчество Дика — некое целое, где повторяется одна и та же книга. Точнее, где на странной клавиатуре — с диссонансами и огрехами — наигрывается одна и та же тема. Клавиатурой стала полная всякого старья реквизиторная научной фантастики, но тема имеет с ней мало общего». Лем пересказывает пару сюжетов Дика, замечая: «В кратком изложении его романы выглядят просто идиотски». Чистая правда: любой роман Дика в кратком изложении выглядит идиотски. И это логично — хороший роман нельзя пересказать, зато, когда его читаешь, текст оправдывает любые фантдопущения, любых богов, андроидов, телепатов, и галлюцинации тоже. Известно, что Дик принимал ЛСД всего два раза в жизни, а галлюцинировал лишь однажды — он увидел чудовище, которое тысячи лет читало ему список его грехов (позже он вставил эту сцену в «Помутнение»).

Ещё одно свойство романов Дика — всех, даже ранних, хотя там это обстоятельство замаскировано в угоду издателям и читателям — состоит в том, что ни в одном из них нет завершения, чёткого финала, логической точки. Дик предпочитал финалы открытые, непредсказуемые. Он объяснял это так: «Всякий мой роман — по меньшей мере два романа, наложенные друг на друга. Вот почему в них так много оборванных линий, и по той же причине невозможно предсказать финал — ведь линейного сюжета как такового нет. При соединении двух романов получается 3D-книга».

Но дело не только в этом. Скорее, Дику важна была не столько окончательная победа героев над мировым злом, сколько то, что, даже проиграв, они смогли не потерять себя. Так в «Трёх стигматах Палмера Элдрича» последняя надежда человечества Лео Булеро попадает под влияние зловещего Палмера Элдрича, обретает его «стигматы» — стальные зубы, искусственную руку и такие же глаза, — однако помнит, что «я ещё там, внутри». А значит, даже если ты окончательно проиграл физически, даже если ты мёртв, как герои «Убика», метафизическая надежда остаётся. Если говорить о спасении души (а герои «Трёх стигматов…» говорят именно о нём), в мире иллюзии проигрыш/смерть неважны. Главное — не проиграть/погибнуть в мире

истины.

Де-факто перед героями Дика стоят три задачи. Первая — осознать, что реальность нереальна, а тебя заточили в Чёрной Железной Тюрьме. Вторая — понять, что нужно делать, чтобы отличить явь от иллюзии. И третья — удостоверившись, что выбраться из Тюрьмы не выйдет, что ночь духа будет вечной, потому что, как пела группа «Сплин», истинный цвет солнца — чёрный, а лето ушло и уже никогда не вернётся… всё равно не сдаваться.

Всё вышесказанное для тех, кто любит книги Дика, — не секрет. Но один роман в его обширной библиографии стоит особняком — «Помутнение»; к слову, именно эту книгу Дика первой опубликовали на русском в 1989 году. Элементов «диковщины» в «Помутнении» нет, оно читается как достаточно простая историю о наркомане, он же — работающий на полицию сексот. Под воздействием наркотика сознание героя раздваивается, и он начинает следить сам за собой, а в конце и вовсе погибает как личность. Всё. Наркотики — это плохо, кто бы спорил, но где тут фантастика? Единственное фантдопущение тут — «костюм-болтунья», одежда, которая постоянно меняет внешность агента полиции. Как-то слабовато для безусловного классика НФ.

> [Именно тогда, в 1989 году, A.R.L. заговорил со мной впервые. Но я был не готов его понять. Понадобилось два десятка лет, чтобы я, уже зная кое-что о Дике, посмотрел экранизацию «Помутнения» с Киану Ривзом — и понял, о чём и о ком книга на самом деле.]

Из конца времён.

Запись Филипа Дика в «Экзегезе» от 1974 года: «Святой Дух может по нарастающей преодолеть поле времени и потечь в направлении против него, в него… Биоплазменная оргоноподобная энергия вошла в меня или возросла во мне и стала причиной того, что я переменился… Усиленное осознание побудило меня увидеть иную вселенную: в ней есть красные и золотые живые нити действия во внешнем мире… Однако я ощущал единство между переменившей меня силой и красно-золотой энергией, которую я видел. Изнутри меня, будучи частью меня, она выглянула наружу и увидела себя самоё».

РЫБА НЕБЕСНАЯ

Будучи умным человеком, знавшим и стихи, и языки (немецкий, например; а один раз они с Робертом Сильвербергом в присутствии других фантастов стали говорить на латыни — бог знает, что это была за латынь, но беседа состоялась), Филип Дик не мог не понимать, что пишет, по сути, одну книгу. А однажды он понял, что сам стал героем этой книги. [С точки зрения A.R.L. надо заменить «стал» на «был»; окей, с этим мы ещё разберёмся.]

Началось всё 20 февраля 1974 года. Надо представлять себе состояние Дика на тот момент. Это изможднённый, потрёпанный жизнью 46-летний бородач, женатый в пятый раз (не считая мелких увлечений) и изрядно разочаровавшийся в людях. Супруга Тесса совсем недавно родила Дику сына Кристофера, семью надо содержать, для этого нужно много работать. Фантастика Дика издаётся не слишком хорошо. Его организм изношен работой, алкоголем, метамфетаминами и иными таблетками, которые Дик охотно принимает по поводу и без. Более того, судя по книгам, уже много лет Дика подсознательно терзает вопрос: может, он и правда потерялся в иллюзии?

Таково глобальное положение дел. Локально всё тоже не сахар: дантист только что выдрал Дику зуб мудрости, голова раскалывается, болеутоляющее не помогает. Фантаст Филип Дик пребывает в аду. Жена его Тесса звонит стоматологу, тот прописывает новое лекарство. Тесса связывается с аптекой, через полчаса в дверь звонит рассыльный. Точнее, рассыльная. Брюнетка в белой униформе. Ангел-хранитель тех, кому выдрали зуб мудрости. На груди девушки сверкает золотом подвеска. В форме рыбы.

> Религиозный опыт Филипа К. Дика стал сюжетом достаточно унылого комикса.

И тут Дик внезапно осознаёт, что — вот оно. Началось. А девушка говорит: «Восемь сорок два, пожалуйста», — и протягивает кулёк с лекарствами.

Откуда-то сбоку Тесса наблюдает за тем, как её муж, позабыв о боли (притворялся?), пялится на упругую женскую грудь. Дик и правда не может оторвать взгляд от подвески. Это знак, решает он. Но что это за знак? Что-то очень знакомое. Где-то он об этом читал…

— Что это за подвеска?

Девушка взирает на Дика скептически.

— Древний символ, — снисходит она. — Использовался первыми христианами. Восемь сорок два, пожалуйста!

Дверь закрывается, но главное уже произошло, и Тесса может материться сколько угодно. Рыба — символ Христа. Конечно же: греческое слово «ихтис», «рыба», — акроним от «Иисус Христос Божий Сын Спаситель»; в эпоху гонений древние христиане узнавали друг друга, рисуя рыбу — на песке или просто пальцем на столе. Узнавали друг друга. Вот оно!

Много позднее Дик осознал, что произошедшее уже было описано в мировой литературе. Более того, описано не кем-то, а именно им, Филипом Диком. В романе «Человек в Высоком замке» мечущийся в поисках истины японский чиновник Нобускэ Тагоми обретает просветление, когда видит некую безделушку — «серебряный треугольник, украшенный полыми шариками. Тёмными внизу, яркими, сияющими наверху». Тут надо сделать отступление, чтобы уяснить, что именно эта параллель дала Дику. Нет, дело не в том, что глаз в треугольнике — христианский символ Бога-Отца. С мистером Тагоми и тёмно-светлыми полыми шариками всё куда интереснее.

ТРИ СТИГМАТА ОДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Все знают, что «Человек в Высоком замке» — это альтернативная история о том, как во Второй мировой победил Гитлер, точнее, страны «оси». США тут оккупированы и поделены на зоны, совсем как Германия в нашем мире. Одна половина Штатов досталась немцам, другая — японцам.

В Скалистых горах, на нейтральной территории между оккупационными зонами, живёт фантаст Готорн Абендсен, похожий на Филипа Дика. Абендсен написал роман «И отяжелеет кузнечик» (тут аллюзия не на Откровение 9:3, «и из дыма вышла саранча на землю», как дружно решили русские переводчики[1], а на более смутную Книгу Екклесиаста 12:5: «И зацветёт миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс») — о том, как Гитлер со товарищи войну проиграли. Но это не простой «перевёртыш», как можно было бы предположить. Фишка в том, что «И отяжелеет кузнечик» — роман вовсе не о нашем мире: в придуманной Абендсеном реальности Америка вступает в холодную войну с Британской империей, и та в итоге завоёвывает США. Проще говоря, этот мир вряд ли лучше того, в котором Гитлер победил.

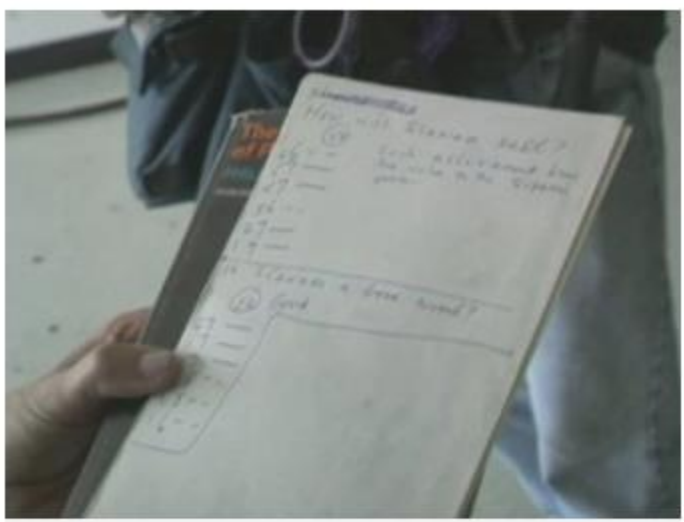
Есть и третья реальность — наша, в которой США остаются после войны относительно мирной и свободной сверхдержавой. Мир, где место Абендсена занимает Филип Дик. Именно сюда мистическим образом проваливается японец Тагоми, глядя на серебряный треугольник. Три мира — три стороны треугольника. Для Дика это три версии примерно одной истории, и всякий раз ни к чему хорошему после Второй мировой мы не приходим. «Человек в Высоком замке» написан в 1961 году. Корейская война кончилась, на горизонте маячил Вьетнам. Очень скоро подпись Дика появится в журнальном объявлении, разделившем фантастов США на тех, кто за участие во Вьетнамской войне, и тех, кто против. Хайнлайн, Спрэг де Камп и Джек Вэнс были за; Дик, Харлан Эллисон и Айзек Азимов — наоборот. Но это к слову.

У треугольной головоломки есть ещё один уровень, связанный с древнекитайской Книгой Перемен, «И Цзин», на которой Дик гадал, когда писал «Человека в Высоком замке» (и вообще всю сознательную жизнь), — и на которой гадают все герои романа. Нам говорят даже, что роман «И отяжелеет кузнечик» сочинил не Абендсен, а Книга Перемен, отвечая на вопросы Абендсена! И когда в финале персонажи спрашивают «И Цзин», зачем тот написал «Кузнечика», оракул отвечает

гексаграммой «Внутренняя правда». То есть их реальность, в которой Гитлер победил, фальшива; в истинном мире фашизм проиграл.

Хорошо, но мы-то, читатели «Человека в Высоком замке», по эту сторону границы между явью и фикшн. Значит ли это, что для нас гексаграмма «Внутренняя правда» означает, наоборот, истинность описанной Диком победы фашизма? С точки зрения Дика образца 1974 года — безусловно: президент Никсон был для него ничем не лучше рейхсканцлера Гитлера. И если в каждой из трех граней реальности есть свой Дик-Абендсен, то для каждого из них его грань ложна и по «внутренней правде» настоящее поражение зла возможно только в параллельном мире.

Набоков называл такие конструкции дурной бесконечностью. Но есть же ещё полые шарики! Треугольник украшен шариками — тёмными внизу, сияющими наверху. Не значит ли это, что, хотя тьма на каждой грани треугольника побеждает, запирая нас в Чёрной Железной Тюрьме иллюзии, где-то всегда остаётся свет, который победить невозможно? Свет, которым сверкала рыба на груди девушки, принёсшей Дику лекарство. И если Дик сам загодя описал своё же просветление, может, и остальные его книги — это ключи к внутренней правде?



Филип Дик часто советовался с Книгой Перемен и записывал все ответы оракула

Из тибетской Книги мёртвых, а она играет в «Человеке в Высоком замке» важную роль, Дик выписал странную мысль:

«Твои мыслеобразы возвращаются к тебе как проявления внешнего мира». Теперь его мыслеобраз — блестящая безделушка как источник сатори — вернулась к нему внешней реальностью.

СНЯТСЯ ЛИ ФАНТАСТАМ БОЖЬИ ОВЦЫ?

До февраля-марта 1974 года Филип Дик написал больше сорока книг (некоторые будут изданы позже, в том числе после его смерти; три рукописи утеряны). В его жизни был даже период, когда он выдал двадцать романов за пять лет. После 2-3-74 он сочинил всего четыре романа, отличающиеся от всех предыдущих. Водораздел прошёл как раз по «Помутнению», которое писалось и переписывалось в 1973–1976 годах.

Главным трудом Дика после 2-3-74 стала «Экзегеза» — так он назвал дневник, в котором описывал и интерпретировал свои откровения*. Дик вёл этот дневник с 1974 года до самой смерти. Насчитывающая около 8000 страниц «Экзегеза» — чтение интереснейшее, но трудное. Куда легче читается роман «ВАЛИС», тоже наполовину автобиографический. К ним мы ещё вернёмся.

В «Экзегезе» Дик описывал свои теории не только словесно, но и в виде хитрых схем

После 20 февраля Дику начали сниться странные сны. Он описывал их в «ВАЛИСе», в «Экзегезе», в письмах друзьям и в интервью. Дик упоминает некий розовый луч, по которому он получал информацию; изрекающее истины радио; андроида, говорившего с ним из вечности женским голосом, и прочие чудесные штуки. Впрочем, источник этого божественного кошмара был един. Всё уже было сказано в «Убике», где Убик — это вездесущий Логос (то самое Слово, которое, если верить Евангелию от Иоанна, было в Начале), то есть Святой Дух, Параклет-Утешитель, напоминающий о Боге тем, кто заточен в Чёрной Железной Тюрьме. Точно по словам Иисуса к апостолам: «Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам». Такова была теория. Одна из.

[Думаю, A.R.L. будет рад, если я упомяну вот о чем: как-то я хотел написать рассказ в филипдиковском духе

под названием «Вегас жёстко стелет». Действие происходит в 1970-х, на Земле идёт ядерная война, а дюжина американских фантастов, похищенных магнатом Говардом Хьюзом, строит в оккупированном мормонами Лас-Вегасе космический корабль. Все они пребывают под постоянным воздействием ЛСД, которое, по мысли Хьюза, раскрепощает сознание. Среди героев был и фантаст Фил, о котором говорилось: «У Фила есть теория». У Фила всегда имелась теория по любому поводу. Позже, начав переводить «Экзегезу», я понял, насколько был прав. Спасибо, A.R.L.!]

Множественные откровения и теории Дика никто не описал лучше Дика — хотя бы в автобиографической части «ВАЛИСа». Если коротко, некая сверхъестественная сущность, Святой Дух, Логос из конца времён, именуемый (запомним это имя) Фомой (Thomas), вступила с Диком в контакт. «Почти каждую ночь я получал во сне информацию в форме распечаток: слова и предложения, буквы, имена, цифры — иногда страницами, иногда в форме записей на бумаге или голографических записей, иногда, хоть это и странно, в форме коробки с овсяными хлопьями, на которой написана и напечатана всевозможная осмысленная информация; мне давали прочесть гранки, которые, как говорилось во сне, “содержат пророчества о будущем”, а последние две недели я снова и снова вижу огромную книгу со страницами, заполненными печатными строками», — сообщал Филип Дик другу. Многие из этих книг были написаны по-русски, что Дика пугало.

Фома, насколько уразумел Дик, был тайным христианином из Римской империи и жил в 70 году нашей эры. Эти место и время были единственно настоящими. 1974 год и США — это иллюзия: «Реальное время закончилось в 70 году с падением иерусалимского Храма. Оно снова началось в 1974 году. Промежуточный период был высококачественной подделкой, интерполяцией, подражающей творению Разума» («ВАЛИС»).

ПРИЗНАНИЯ ПРОЗРЕВШЕГО ФАНТАСТА

На деле существовала лишь одна Империя, суперили транстемпоральная, — она же Римская, она же, допустим, сталинская или никсоновская. Она же — Чёрная Железная Тюрьма, в которой «заключены все, не осознавая того». «Империя и не кончалась», помните? Эдакий всепобеждающий вечный фашизм, безумие и насилие, возведённые в ранг высшего закона. «Бороться с Империей — значит быть заражённым её безумием. Парадокс: кто победит сегмент Империи, становится самой Империей; она развивается, подобно вирусу, навязывая собственную форму своим врагам». Именно эта Империя никогда не кончалась. Какую грань треугольника ни возьми, Чёрная Железная Тюрьма всегда тут, вокруг нас.

Как известно, в нашей реальности существовали люди, которые не дали Римской империи победить себя, — христиане. Фома тоже рассказывал Дику про «организацию христиан — не обычных христиан, тех, что каждое воскресенье посещают церковь и молятся, а тайных ранних христиан в серых балахонах, — которая с энергией и воодушевлением начала осаду тюрьмы». Более того, они преуспели — или преуспевают, ведь христиане тоже стали суперили транстемпоральными, даже в большей степени, чем Тюрьма, — и победили Империю. Хотя победить Империю нельзя, вот она — вокруг нас. Но в каком-то пространстве христиане это сделали — избежав имперского безумия. Этот парадокс тайный христианин Фома хотел донести до помутнённого метамфетаминами и теориями сознания Дика.

«Но если времени не существует, как могли тайные ранние христиане освободиться из взорванной Чёрной Железной Тюрьмы?» Филип Дик не понимал. Он знал, что это правда, но Тюрьма оставалась Тюрьмой. При этом некто отчаянно стучался в её стены снаружи. [A.R.L., само собой.] И намекал несчастному Дику, что Империя, которая никогда и не кончалась, на бесконечно высоком уровне никогда и не побеждала, хотя ей самой всю дорогу казалось (ха-ха) иначе.

Фома не просто наставлял Дика — он ещё и вселился в него, но не как бесы вселяются в грешников, а по-хорошему. «Он захватил мой мозг и установил контроль над двигательными центрами, он действовал и думал за меня, — говорил Дик в интервью коллеге Чарльзу Плэтту. — Он

физически исцелил меня и моего сына, у которого от рождения был опасный для жизни дефект, не поддающийся диагностированию…» Это медицинский факт — Дик подсказал врачу, что именно не так с Кристофером. «Он обладал чудовищным запасом знаний — технических, медицинских, космологических, философских. Его воспоминания уходили более чем на две тысячи лет в прошлое, он владел древнегреческим, древнееврейским, санскритом… Он начал приводить в порядок мои дела. Сменил моего агента и издателя. Вычистил и перенастроил пишущую машинку. Он решил, что мне не стоит пить вино, обнаружив переизбыток мочевых кислот в моём организме, и заставил меня перейти на пиво. Он делал элементарные ошибки, обращаясь к собаке “он” (he), а к кошке “она” (she; в английском животные — it), как к людям, что пугало мою жену; её он предпочитал именовать “мадам”…»

Фантаст (и, напомню, персонаж романа Филипа Дика) Филип Дик не был сумасшедшим. Он понимал, что происходящему должно быть объяснение. Надо только понять, какое.

МНОГОЛИКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Основной поток видений завершился в марте 1974 года, когда Дик получил некое письмо, полное странных намёков (до него мы ещё дойдём). Порядком измотанный откровениями, переживший развод и попытку самоубийства фантаст вновь нашёл в себе силы сочинять беллетристику лишь в 1976 году. В «ВАЛИСе» и «Всевышнем вторжении» он объяснял себе, что же с ним происходило.

Иногда Дику думалось, что дело в биохимии организма. Скажем, лошадиные дозы витаминов, которые он принимал, блокировали мозговую тормозную жидкость, гамма-аминомасляную кислоту, два полушария заработали сверхэффективно — отсюда и потоки видений.

Иногда Дику думалось, что он пал жертвой чьих-то опытов: «Какое-то время я воображал, будто по случайности задет экстрасенсорным экспериментом, суть которого — передача изображений на большие расстояния. Я написал в лабораторию в Ленинграде и рассказал о произошедшем — в то время я думал, что источник сигналов расположен очень далеко, то есть в СССР». Бедные ленинградские учёные!..

Иногда Дику думалось, что его облучает с орбиты какой-то спутник. Это мог быть инопланетный спутник, советский спутник или даже раннехристианский спутник — по обстоятельствам.

Иногда Дику думалось, что источник сигналов расположен где-то около Сириуса и что с ним вступают в контакт трёхглазые инопланетяне-плазматы с клешнями вместо рук, желающие освободить человечество от оков Империи, а также глухонемые телепаты. В «ВАЛИСе» герой считает себя секретным агентом плазматов, «руками, протянутыми к горлу Империи». Дик был избран для какой-то миссии. Жаль только, что суть миссии от него ускользала.

Иногда Дику думалось, что он «осознал существование патического языка, которым обращаются ко мне все живые существа, и когда моё понимание расширилось… понял, что тем же языком говорят со мной с небес, особенно по ночам. Я буквально прозрел: информация поступает к нам, прямо-таки бомбардирует нас со звёздного свода». Патический — значит «связанный со страданиями». Тут просится параллель с буддизмом, первая благородная истина которого постулирует, что жизнь есть страдание. Но, как отмечает Дик в «ВАЛИСе», Хорславер Фэт «не понимает, что такое Будда… Я этого не говорил, но технически он стал Буддой. Вряд ли мне стоило его

просвещать. В конце концов, если уж ты Будда, должен сам догадаться». Напомню ещё раз: это Филип Дик говорит про самого Филипа Дика.

Иногда Дику думалось, что в него подселился дух его друга, покойного епископа Джеймса Пайка. Эта версия объясняла говорение Фомы на греческом и древнееврейском, но не объясняла того, что внутренние монологи Дик вёл на койне — «общем греческом», языке Нового Завета. Дик узнал об этом, когда записал отдельные фразы на этом языке и отнёс их профессору из Университета штата Калифорния в Фуллертоне. Стоит добавить, что жена Дика (четвёртая) Нэнси Хэкетт была приёмной дочерью любовницы епископа. Через несколько лет Дик сделает епископа Пайка и других причастных героями романа «Трансмиграция Тимоти Арчера».

Иногда Дику думалось, что с ним играет сонм древних богов — Аполлон, Афина Паллада и так далее. Иногда — что внутри него имеет место теофания, самораскрытие божественного. Иногда — что пробудилась его генетическая память. Иногда — что с ним говорит безумный гностический демиург. Или тайно управляющая миром раса, восходящая к фараону Эхнатону. Или розенкрейцеры.

Иногда Дик трактовал откровения по Гераклиту, Рихарду Вагнеру, Мирче Элиаде, Книге Перемен, Книге Мёртвых, Книге Пути и Силы и так далее.

Иногда Дику думалось, что всё дело в ВАЛИСе, он же, видимо, Бог. ВАЛИС — это Всеобъемлющая Активная Логическая Интеллектуальная Система, «возмущение в поле реальности, где формируется спонтанный самоуправляемый негентропический вихрь, самопроизвольно переводящий среду в категоризированную информацию. Характеризуется наличием псевдосознания, цели, разума, роста и строгой дисциплины». В романе «ВАЛИС» сказано, что это определение взято из шестого издания Большой советской энциклопедии (1992 год). Сам роман написан в 1978-м. Как говорят врачи герою «Помутнения», «если у вас не пропадёт чувство юмора, пожалуй, вы своего добьётесь».

> [С точки зрения A.R.L. тут важно отделить инструментарий от идеи. Идея заключается в том, что Дика пытаются освободить из Чёрной Железной Тюрьмы. A.R.L. стучит в её стены и бросает послания в зарешеченное окно; сидящий в Тюрьме может объяснять эти стуки и эти письма как угодно, не правда ли?]

НАШИ ДРУЗЬЯ ИЗ СТАЛИНА-74

18 марта 1974 года случилось новое провозвестие: Дик получил письмо из СССР. В «ВАЛИСе» оно описывается так: «Письмо прислал мужчина, о котором Фэт раньше никогда не слышал (да он и не имел привычки получать письма из Советского Союза) и который просил: (1) фотографию Фэта; (2) образец почерка Фэта, особенно его подпись». Проще говоря, автограф. В биографии Дика пера Эммануэля Каррера «Я жив, это вы умерли» утверждается, что письмо было из Таллина, Эстония.

> [По случайности я живу именно в Таллине, Эстония, но у меня алиби — в 1974 году я ещё не родился. Мне жутко интересно, какой такой эстонский фэн в семидесятые, когда Дик на русском не издавался, сумел прочесть книги фантаста и вызнать его калифорнийский адрес. В Эстонии, конечно, с западными книгами было попроще, чем в России. У меня есть две кандидатуры — люди, о которых я знаю, что они читали в 1970-х годы американскую фантастику, — но один из них (поэт-мистик) давно мёртв, а второй (писатель-мистик) который месяц скрывается в Исландии, отключил мобильный телефон и недоступен для общения. A.R.L. на этот счет таинственно молчит.]

Дик вроде бы испугался. Фэт в «ВАЛИСе» точно испугался, но Дик, как сообщила мне Тесса, вступил с эстонским фэном в переписку. Так или иначе, таллинское письмо лишь предвещало нечто большее. Ночью Дику приснилось, что два дня спустя придет куда более важное письмо от женщины, которую звали (во сне) Садасса Ална. Дик сообщил об этом Тессе. Напослезавтра письмо и правда пришло. Как указано в «ВАЛИСе», оно содержало ксерокопию двух рецензий нью-йоркской левой газеты «Дэйли Уорлд» на книги гражданки СССР, кажется, члена Коммунистической партии, живущей в США и умеренно критиковавшей капитализм. В рецензиях были подчеркнуты слова decline (упадок) и death (смерть).

Филип Дик воспринял это письмо как намёк: он пал жертвой опытов, проводимых с благословения Компартии. Сам Дик придерживался левых взглядов, но партию активно не любил (во «Всевышнем вторжении» он срастил ее с христианством и исламом и поставил управлять Землёй). Перепугавшись

окончательно, Дик позвонил… в ФБР, по сути — в тайную полицию Империи. Что заставило его так поступить? Никто этого не знает, но у меня, пусть я и не Фил, есть теория.

Для начала стоит разобраться с письмом от 20 марта, поразившим Дика настолько, что он трактовал его так и эдак до самой смерти, именуя «ксероксным посланием». Ни в биографиях Лоуренса Сатина и Эммануэля Каррера, ни в «Экзегезе» настоящее имя Садассы Алны не упомянуто. Дик обходит его молчанием. Между тем, согласитесь, число советских женщин-писателей, которые жили в США в начале 1970-х, невелико. Я честно перебрал всех диссиденток-сочинительниц, эмигрировавших в Штаты к началу 1970-х. Тщетно. На возможный ответ я наткнулся случайно — и он был удивителен.

Да, жила в то время в США советская женщина, член Компартии, выпустившая к 1974 году ровно две книги мемуаров, на которые могли отозваться в Нью-Йорке (да и обитала она неподалеку, в Принстоне). Незадолго до того женщина вышла замуж за архитектора Питерса и официально именовалась теперь Лана Питерс. Нам эта писательница известна как Светлана Аллилуева. Теперь вообразите: вы — Филип Дик, попавший под бомбардировку непонятных видений, в том числе на русском языке. В вас закрадывается подозрение, что вы стали морской свинкой в эксперименте советских спецслужб. Вам снится, что вы получите письмо от гражданки СССР. Вы его получаете — и обнаруживаете, что вам написала… дочь Иосифа Виссарионовича Сталина. Плюс письмо из Таллина за пару дней до этого. Сталин, Таллин, Светлана, Лана, Ална…

Ваши действия?

> [Это, конечно, всего лишь теория. Не очень понятно, с чего бы Аллилуева стала писать фантасту Дику, хотя при желании объяснение придумать можно: во-первых, Лана Питерс успела пожить в общине Талиесин-Уэст, которой заправляла старушка-теософ, и там вполне могла узнать о существовании Дика, книги которого могли пользоваться успехом у мистиков; во-вторых, у Аллилуевой были проблемы с издателями, и она могла прислать рецензии на свои книги (подчеркнув какие-то предложения) просто для того, чтобы познакомиться с известным писателем и впоследствии попросить у него консультации по тем или иным вопросам. Или что-то в этом роде.
>
> С точки зрения Дика вариантов было немного: даже если КГБ не хочет связаться с вами через Светлану

Аллилуеву, он железно следит за отпрыском генералиссимуса, а значит, вы попадаете в сферу советских интересов. Что делать тайному христианину, когда на него выходит полиция Империи? Разумеется, натравить на неё другую тайную полицию Империи — и пусть разбираются между собой. Имя Sadassa, кстати, дочке тирана подходит вполне: есть в нём что-то от садизма. И разве под инопланетным Благодетелем Народа из «Веры наших отцов» Дик не подразумевал в том числе Сталина? «Он кавказец…»

Я спросил про Садассу Алну у Джонатана Летема, фантаста и редактора «Экзегезы», но Летем про советскую гражданку ничего не помнил и вообще работал в тот момент в Берлине. Забыла её имя и Тесса Дик, упомянув лишь, что в названии книги было слово «карусель», а письмо пришло не из Нью-Йорка, а из Австрии, и не 20 марта, а второго. Я пытался сопрячь эту информацию со своей версией — в названиях книг Аллилуевой слова «карусель» нет, — когда мне показалось, что я слышу смех A.R.L.: «Ты попался — ведёшь себя совсем как герой Дика. Ксероксное послание — это знак не для тебя, а для Дика, а ты разбирайся со своими знаками. Подумай лучше, почему он писал в ФБР письма о своих друзьях?»]

Из «ВАЛИСа»: «А вот как Фэт поступил с ксерокопированным листком, который в строгом смысле слова нельзя назвать письмом, я не знаю по сей день, да и не желаю знать. Может, сжёг его, или отправил в полицию, или в ФБР, или в ЦРУ».

ЛАБИРИНТ ПСИХОЗА

Проще всего на вопрос, почему Дик периодически сообщал ФБР о заговорах с участием друзей и коллег, ответить цитатой из той же книги о калифорнийской эпидемии сумасшествия: «Это было как чума, и никто не мог понять, только ли в наркотиках дело. Годы с шестидесятого по семидесятый в Америке, а особенно в Северной Калифорнии, были совсем паршивые. Как ни досадно, это факт, и самые причудливые термины и замысловатые теории его не скроют. Власти предержащие стали такими же психопатами, как и те, за кем они охотились. Им хотелось избавиться от любого, кто не вписывается в истеблишмент». Ну или из «Трансмиграции Тимоти Арчера»: «Как и в течение многих предшествующих лет, Беркли и паранойя спали в одной постели…» В Беркли, штат Калифорния, Филип Дик жил.

Агенты ФБР подступались к нему еще в 1950-е, когда женой Дика (второй) была левая активистка Клио Апостолидес. Агенты Смит (кто сказал «Матрица»?) и Скраггс были неизменно вежливы, с одним из них чета даже подружилась, однако позднее Дик утверждал, что его просили шпионить за женой. (Клио сомневалась, что такое было возможно.) В 1958 году письмо, написанное Диком советскому ученому, перехватило ЦРУ — это стало известно, видимо, в середине 70-х, когда Дик потребовал выдать ему собственные «дела» из архивов ЦРУ и ФБР. Заметили органы и антивоенную позицию фантаста. Так или иначе, с 1964 года Дик уверился в том, что находится под колпаком у американского Мюллера.

Из доносов Дика широко известно письмо 1972 года, в котором он жалуется на некоего Гарольда Кинхена: тот якобы принадлежал к тайной, вероятно, неонацистской организации и заинтересовался Диком, прочитав «Человека в Высоком замке» (не исключено, что неонацисты и правда относились к книге о победе фюрера с священным трепетом). Кинхен хотел, чтобы Дик кодировал в книгах «антиамериканскую информацию». В частности, фантасту предлагалось написать роман о том, как тайное общество заражает население США штаммом сифилиса, который быстро поражает мозг, и развязывает Третью мировую войну. Предполагалось, что по выходе книги Кинхен и его друзья расшифруют роман и тем самым вызовут панику среди населения. Кинхен сказал Дику, что если тот умрёт, «они» продолжат писать книги под его именем и кодировать в них секретную информацию.

В качестве доказательства инфильтрации неонацистов в американскую фантастику Дик приводит роман Томаса Диша «Концлагерь» (1967), героев которого заражают новым штаммом сифилиса; те превращаются в гениев и умирают. Глядите, дорогие фэбээровцы, какие заказы выполняют наши фантасты!.. Письмо в ФБР отправлено 28 октября 1972 года. 29 октября Дик в письме самому Дишу назвал «Концлагерь» «не просто прекраснейшим НФ-романом из всех мною читанных, но и, как я только что понял, прекраснейшей прозой вообще». В романе «ВАЛИС» имя Диша служит тайным знаком, по которому сотрудники плазматов узнают единомышленников. (Томас Диш расплатился с Диком сполна, сделав его героем своего последнего романа «Божье слово».)

Мало того, Дик стучал в ФБР на Станислава Лема! Польский фантаст был без ума от книг своего американского коллеги. Не закрывая глаз на их стилистическую эклектику, Лем, тем не менее, считал Дика «визионером среди шарлатанов», единственным достойным писателем среди англоязычных фантастов; Дик отличался от остальных так же, как Достоевский с его «Преступлением и наказанием» отличается от когорты детективщиков с Агатой Кристи во главе. Списавшись с Филипом Диком, Лем предложил издать польский перевод «Убика». Дик был, с одной стороны, в восторге, а с другой — в ужасе: контакт с Восточным блоком его пугал. Тут оказалось, что за гонораром надо ехать в Польшу, и ужас победил окончательно. Дик решил, что Станислав Лем по заданию КГБ выманивает его из страны.

В августе 1974 года Дик пишет в ФБР о литературном агенте Лема, который заявился к Дику в гости с двумя приятелями, алкоголем и девушкой. «Битый час мы яростно спорили на трёх языках, не считая греческих и латинских терминов, — то ли жалуется, то ли хвалится Дик, — после чего меня обвинили в том, что я “за Бога” и “праворадикальную фашистскую пропаганду”. Эти трое ушли, оставив алкоголь, а девушку захватили с собой». Литагент действовал как «филиал в командной цепи Станислава Лема из Кракова, Польша, абсолютного партийного функционера». Причём Лем являл собой «скорее сборный комитет, чем индивида — он пишет разными стилями и иногда читает на иностранных для него языках, а иногда нет…»

П.А.Н.Л.Е.М.

Вчитайтесь как следует: «Иногда читает на иностранных языках, а иногда нет…» Только мне кажется, что это написано человеком с большим чувством юмора? Но, конечно, чужая душа потёмки. Далее Дик обвинял Лема в попытке влияния на фантастов через критику и эссе и сожалел о том, что фантастику контролирует «безликая группа из Кракова. Но что тут можно сделать — я не знаю».

В изложенном есть доля истины: Лем и правда атаковал западных фантастов с интеллектуальным остервенением, достойным лучшего повода. В 1976 году ровно за это Лема лишили почётного членства SFWA, Общества американских фантастов (после чего из рядов этой организации вышла в знак протеста Урсула Ле Гуин, подруга и почитательница Дика, которого она даже называла «наш доморощенный Борхес»). Дик был уверен в том, что Лем присвоил гонорар за польского «Убика», и призывал коллег не пускать «краковского волка к общему очагу». Больше других на Лема нападал, впрочем, вдрызг раскритикованный им Филипп Жозе Фармер. ФБР, насколько известно, ничего не сделало ни Лему, ни его пособникам. Фантасты оказались хуже полиции Империи…

Мне (как герою Филипа Дика) уместно выдвинуть насчет него и ФБР пару-тройку теорий. Первая и очевидная: у Дика ехала крыша, вот он и писал в органы всякую чушь. Боялся человек, что его облучают ученые из Ленинграда, а Краков к Ленинграду всяко ближе, чем родной Вашингтон (или где там расположена штаб-квартира ФБР). Во всяком случае, защитники Лема и оклеветанные Диком друзья — тот же Диш — списали его доносы на припадки паранойи. Или шизофрении. Или того и другого.

Это хорошая теория, но её опровергают романы Дика: их автор мог верить в ахинею, но, как уже говорилось, не был сумасшедшим. В «Помутнении» есть жуткий персонаж по имени Баррис, доносящий в полицию на героя: «Я располагаю информацией, что мистер Арктор — член мощной секретной организации, не ограниченной в средствах, располагающей арсеналом оружия и пользующейся шифрами…» — и так далее. Дик хорошо понимал, что такое донос. Отсюда — теория номер два, куда более параноидальная, чем первая. Пусть вы — Филип Дик, тайный христианин в мире Империи. К вам проявляют интерес люди, связанные с коммунизмом. Если это агенты КГБ или ФБР, то есть полиции Империи, если это подстава — спустим

на них их же собак. Но что, если они невиновны? Если они, более того, такие же тайные христиане, как вы?

Тогда нужно отмазать их (и себя) от полиции. Для чего следует, не дожидаясь рейда, доказать властям, что ты — безвредный сумасшедший, так что заметать тебя и твоих дружков не имеет смысла. Нужно, в общем, учесть все варианты. Плюс момент паники, толкающий на крайне импульсивные действия. В «Помутнении» герои думают, что им делать, если полиция припрятала в доме наркоту и хочет их подставить: «Позвоним им, изложим ситуацию и попросим приехать и наркотики изъять. Обыскать дом, найти их и уничтожить… Это самый лучший вариант. Мы все пройдем тест на детекторе лжи и докажем, что ничего не знали». Если это был план Дика, он сработал на сто процентов. ФБР, повторим, не цеплялось ни к Дишу, ни к Фиттингу, ни к другим. Своей дурацкой тактикой Дик прикрыл друзей по полной программе.

И третья теория. По сравнению с той же «Экзегезой» доносы читаются как сатира. Вдруг это литературные тексты, своего рода кривое зеркало охватившей США паранойи? Может, Дик троллил органы госбезопасности? А то и самого себя.

Последняя жена Дика вспоминала о том, что не все письма посылались в ФБР напрямую. Временами Дик бросал их в мусорное ведро: мол, если власти захотят с ними ознакомиться, письма до них дойдут. Ну да: «Бороться с Империей — значит быть зараженным ее безумием».

> [A.R.L. сказал бы, что фраза «троллил самого себя» попадает в яблочко. В условиях Черной Железной Тюрьмы легко обезуметь, но стоит хотя бы сохранять чувство юмора. Главное — осознать, что до тебя уже достучались извне, и понять, кто именно. Что до борьбы — вспомним, как Нео в «Матрице: Революции» боролся с агентом Смитом: в условиях, когда противник всегда сильнее, самое разумное — дать системе поглотить тебя и переиграть её изнутри. Разумеется, параллели между «Матрицей» и историей Дика — в том числе тот факт, что Киану Ривз сыграл главные роли и в трилогии Вачовски,
> и в экранизации «Помутнения», — неслучайны.]

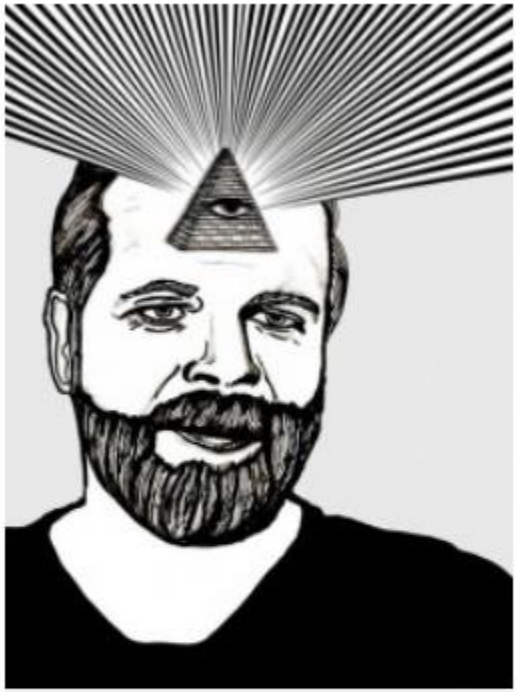
ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ИЛЛЮЗИЯ

Как уже говорилось, после 2-3-74 Филип Дик написал четыре романа. В «ВАЛИСе» и «Всевышнем вторжении» он объяснял себе, что же с ним происходит. «Свободное радио Альбемута» — это своеобразный фанфик на мистический опыт Дика. Последней его книгой стала очень серьёзная, лишь условно фантастическая «Трансмиграция Тимоти Арчера». В трилогии «ВАЛИС» помимо первых двух романов должен был появиться и третий, «Филин в ночи», но дописать его Дик не успел.

Осознав, что его прежние книги — не просто тексты, а тайные знаки, которые кто-то подавал ему из будущего, Дик преисполнился решимости разгадать послание. Результат впечатлил по крайней мере читателей — тот же Томас Диш считал «ВАЛИС» лучшим романом Дика. Судя и по романам, и по «Экзегезе», самого Дика результат не удовлетворил.

«ВАЛИС» распадается на две части, и первая довольно точно описывает видения фантаста Хорславера Фэта, который почти сошёл с ума. Про Фэта нам рассказывают в третьем лице, рассказ ведёт сам Филип Дик («я»), при этом он сразу же сообщает, что «я» и Хорславер Фэт — одно и то же лицо и что «если после прочтения вы не поймёте, что Фэт пишет о себе, — вы ничего не поняли». Что не мешает Дику с Фэтом обсуждать откровения последнего. Дик явно умнее, ироничнее, язвительнее, здравомысленнее, серьёзнее своего альтер-эго, он даже отпускает по поводу Фэта остроумные замечания — мол, Фэт и сам не понимает, что стал Буддой. «Меня удивляет парадокс, — замечает Дик, — что Будда, то есть просветлённый, не способен за четыре с половиной года догадаться, что он просветлённый». Этот парадокс двоящегося автора-героя удивляет всякого читателя «ВАЛИСа».

[Но не A.R.L., он-то знает, в чем тут дело.]



Типичный современный креатив на тему прозрения Дика: без третьего глаза в пирамиде никуда!

Во второй части откровения Хорславера Фэта как бы обретают реальность; так, он смотрит фильм некоего Эрика Лэмптона «ВАЛИС», во многом совпадающий с его снами. Ключевые слова — как бы. Поначалу Фэту и его друзьям кажется, будто рок-звезда Эрик Лэмптон и его супруга Линда, а также музыкант Брент Мини — святые, а дочь Лэмптонов София (технически это дочь Линды от Святого Духа) — мессия. Потом оказывается, что Лэмптоны и Мини — свихнувшиеся наркоманы. София остаётся для Фэта мессией, пока не погибает в ходе опытов Мини, после чего Фэт задаётся вопросом, какой же она Бог, если дала себя угробить. Добавим, что прообразом Эрика Лэмптона (невзирая на имя, отсылающее к Эрику Клэптону) был Дэвид Боуи, Брент Мини = Брайан Ино, а друзья Дика = фантасты К.У. Джетер и Тим Пауэрс. (Дочерей у Боуи нет, только сын, Дункан Джонс, режиссёр нашумевших НФ-фильмов «Луна 2112» и «Исходный код»; оба они — об

иллюзорности реальности.)

«ВАЛИС» для Дика — и лекарство, и зеркало. Словно есть два Дика, и один из них («я») лечит второго (Хорславер Фэт) от безумия. Правда, истина от иллюзии отделяться не желает — в конце Фэт понимает, пожалуй, меньше, чем в начале, — но откровенная чушь отсеивается: «Поразительно: когда бредом, в который вы верите, вас грузит кто-то другой, вы понимаете, что это бред. Слушая болтовню Линды и Эрика — мол, они трёхглазые люди с другой планеты, — я знал, что они безумны. Что автоматически означало: я и сам безумен». Чуть позже Дик орёт на Фэта (то есть на себя): «Нет никакого ВАЛИСа! Это ты сам. Что, не узнаёшь самого себя? Ты проецируешь несбывшиеся мечты, неудовлетворённые желания… Ты не смог заполнить пустоту реальностью и заполнил её фантазиями. Это психологическая компенсация за бесцельную, никудышную, бесполезную, наполненную болью жизнь, и я не понимаю, почему ты в конце концов не поставишь точку!» Но мы помним, что у романов Дика точек не бывает.

Перед «ВАЛИСом» Дик сочинил «Свободное радио Альбемута» — якобы сценарий фильма об альтернативной реальности, где Америкой правит президент Феррис Ф. Фремаунт, он же Никсон, он же Антихрист: F — шестая буква латинского алфавита, FFF = 666. Надо думать, Дик вовремя понял, что «Альбемут» с его пришельцами может сгодиться лишь для фильма безумца Лэмптона, поэтому в «Экзегезе» этот роман почти не разбирается — в отличие от остальных романов 1970-х.

ГОСПОДЬ АМНЕЗИИ

Дальше было «Всевышнее вторжение», в черновике — «ВАЛИС вновь обретённый», куда более традиционный для Филипа Дика роман. В некотором смысле это попурри из мотивов, которые преследовали фантаста всю жизнь. Один из героев тут лежит в глубокой заморозке за минуту до смерти, дожидаясь замены повреждённого органа, и видит сон, который кажется ему реальностью (см. «Убик»); в этом сне он — колонист на далёкой планете (см. «Лабиринт смерти»); есть тут и прыжки из одной иллюзии в другую, которая может быть или не быть явью (см. «Три стигмата»).

Всё это, а также многое другое накладывается на сюжет о Боге — настоящем иудейско-христианском Боге, он же Яхве, он же просто Ях, изгнанный с Земли Сатаной-Велиалом в 74 году нашей эры, когда десятый римский легион взял штурмом крепость Масаду, последний оплот восставших против Империи иудеев. (В 70 году нашей эры, когда, как считал Дик, остановилось реальное время, римляне взяли Иерусалим.) Ях обосновался в иной звёздной системе, подождал, пока планету колонизируют земляне, и непорочно самозачался внутри одной колонистки, чтобы контрабандой вернуться на Землю. Вместе с колонисткой возвращаются «отец» Бога и опекающая их реинкарнация библейского пророка Илии. Святую семейку встречают местные Ирод и Пилат — то бишь кардинал Христианско-Мусульманской церкви Хармс (!) и Верховный Прокуратор Научной Легации (бывшей Компартии) Николай Булковский…

Что происходит с посетителями фестивалей имени Филипа Дика в Калифорнии — лучше даже не задумываться

Разумеется, есть тут и отсылки к Чёрной Железной Тюрьме. «Иногда мне кажется, что эта планета околдована, — говорит один колонист другому. — Мы все спим или лежим в трансе, а нечто внешнее заставляет нас видеть, помнить и думать не то, что есть и было на самом деле, а то, что ему хочется. А в результате мы становимся тем, чем оно хочет нас видеть…» А вот мысли возвращающегося Бога: «До чего же печальный Предел… Здесь все — узники, а самая страшная трагедия в том, что они сами этого не знают, они считают себя свободными, потому что никогда не были свободными и не знают, что это такое. Это тюрьма, и мало кто об этом догадывается».

И вот что интересно: Бог не может прийти в наш мир, помня о том, что он — Бог, поскольку Империя в лице Хармса и Булковского сразу же его разоблачит и убьёт. Потому Бог прибегает к хитрости: он забывает, кто он, но создаёт «пробуждающие стимулы», то есть некие события, благодаря которым память к нему вернётся: «Это словно, думал он, у меня не один разум, а два, один на поверхности, а другой в глубинах. Поверхностный повреждён, а глубинный сохранился. Однако глубинный разум не может говорить, он закрыт. Навсегда? Нет, придёт день, и его освободит некий стимул. Стимул, мною же

и придуманный». Запомним эту любопытную мысль.

Что касается победы Бога, «Всевышнее вторжение» завершается туманно — Дик помнит, что всякая окончательная победа иллюзорна. «Битва завершилась. Господь победил. Власть Велиала разрушена». — «Почему тогда вы сидите здесь в наручниках, а я тычу в вас бластером?» — «Не знаю, это всё ещё ставит меня в тупик…»

ЛЕЙТЕСЬ, МОИ СЛЁЗЫ, СКАЗАЛ ЕПИСКОП

Наконец, «Трансмиграция Тимоти Арчера» — окончательное прощание с иллюзиями, реалистический роман о епископе Арчере, который ищет Бога то в интеллектуальных лабиринтах всех эпох и народов, то в Летописях саддукеев, то в Мёртвом море, в то время как рядом с ним творится настоящий ад. Кажется, это единственная книга Дика, написанная от лица женщины (Эйнджел Арчер, невестки епископа) — и с каким мастерством написанная! Если бы не клеймо Дика как фантаста, «Трансмиграция» заняла бы в мировой литературе почётное место рядом с «Последним магнатом» Фицджеральда, тоже итоговым романом великого писателя, написанным от лица женщины, и тоже «романом с ключом»: у каждого героя в реальности был прототип. Впрочем, сравнить сюжет книги с жизнью упоминавшегося выше епископа Джеймса Пайка каждый может сам. Важен тут вовсе не «ключ».

Филип Дик и его друг епископ Пайк, прообраз Тимоти Арчера

«Трансмиграция» — роман о смерти. Епископ Арчер — умнейший человек, друг Мартина Лютера Кинга и Бобби Кеннеди — самозабвенно докапывается до смысла жизни, а рядом с ним гибнут люди: сначала стреляется сын (муж

Эйнджел), потом травится любовница (её подруга). Наконец, гибнет и сам Арчер, так и не найдя галлюциногенный гриб, который древние саддукеи якобы почитали как Бога. Пережившая смерти мужа, подруги и епископа Эйнджел лишается духовного оплота и много лет существует как машина: «Она понимает, умом, но нет понимания в её сердце, ибо сердце её механическое, спроектированное работать как насос…»

Однажды на семинаре гуру Бэрфута Эйнджел встречает Билли, сумасшедшего сына той самой самоубившейся подруги. Билли сообщает ей, что душа епископа Арчера вернулась из небытия, отказавшись от нирваны, и слилась с его душой (это и есть трансмиграция из названия книги). Теперь Билли знает латынь, древнегреческий и древнееврейский — Дик наделяет его своими симптомами. А когда Билли помещают в психушку, Эйнджел видит, как он находит под деревом гриб, вроде тот самый, который искал Тимоти Арчер, — и ей ясно, что надеяться на откровение не стоит. Или так: даже если это и откровение, ценность его равна нулю. Что это за Бог, если Его триумф — какой-то неясный гриб во дворе психушки?

Но это лишь малая часть ответа. Главный ответ даёт тот самый гуру Бэрфут: «Билл — бодхисаттва… Тот, кто отверг нирвану, чтобы вернуться ради помощи другим. Для бодхисаттвы сострадание как цель так же важно, как и мудрость». Эйнджел спрашивает Билла: «Ты считаешь себя бодхисаттвой?» «Нет», — отвечает тот. На что Бэрфут замечает: «Иногда бодхисаттва не знает. Можно быть просветлённым, не ведая этого. И можно считать себя просветлённым, но не быть таковым. Будда именуется “Пробудившимся”… Мы все спим, но не ведаем этого. Мы живём во сне… Наши речи — речи спящих, они нереальны».

Билли, конечно, никакой не бодхисаттва — а вот Эйнджел, которая решает взять Билли к себе домой, сострадая ему, этому определению вполне соответствует, пусть она и мысли не допускает о том, что может быть просветлённой. Мудрость без сострадания и любви — ничто. О чём говорил ещё апостол Павел, которого Дик цитирует часто, особенно в «Помутнении». Ключевое слово сказано. Бодхисаттва — это человек, который вернулся в Чёрную Железную Тюрьму и, как во «Всевышнем вторжении», забыл, что он бодхисаттва. Мозаика почти сложилась. Что сделает бодхисаттва, если захочет разбудить самого себя? Оставит себе пробуждающие стимулы, чтобы глубинный разум проснулся.

Ну или: если Филип Дик — это одолевший Империю тайный христианин, сидящий в Чёрной Железной Тюрьме, кто стучится в стены этой тюрьмы? Явно не его друг епископ Джеймс Пайк.

[Я знаю ответ: это A.R.L.]

Болтунья беспредметных снов

В феврале 1973 года, работая над «Помутнением», Филип Дик прочёл о том, что витамины в сверхдозах увеличивают эффективность мозга. «Используя сверхдозы витаминов, я постарался активизировать оба полушария мозга… Ночью на меня хлынул поток цветных рисунков, напоминающих беспредметные полотна Кандинского и Клее, тысячи картинок, которые сменяли одна другую очень быстро на протяжении восьми часов… Десятки тысяч изумительных, вполне профессиональных и гармоничных изображений не могли зародиться в моём сознании. Я не умею рисовать, кроме того, их было слишком много; даже Пикассо — рисунки в его стиле доминировали больше часа — не создал их в таком количестве, хотя явно видел много таких картин в своей голове». Так родилась идея «костюма-болтуньи», который в «Помутнении» скрывает внешность героя под потоком изображений.

РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ С СОБОЙ

Я думаю, неслучайно февраль и март 1974 года случились в жизни Филипа Дика именно в тогда, когда он писал «Помутнение». Я уверен даже, что в этой книге есть разгадка всего того, что когда-либо происходило с Диком. Но сначала нужно понять, о чём этот роман. И заранее отказаться от мысли, что он — о наркоманах, наркотиках, наркомафии, тотальной слежке и гибельном социуме. Да, всего этого там в достатке, но и о чём книга на самом деле, в ней сказано прямым текстом, без обиняков.

В фильме «Помутнение» фантазии Дика воплотили на экране Киану Ривз, Роберт Дауни-мл., Вуди Харрельсон и Вайнона Райдер

Для начала — оба русских названия романа (кроме «Помутнения» есть ещё перевод «Скользя во тьме») неточны, ибо упускают главное. «A Scanner Darkly» — очевидная аллюзия на слова «through a glass, darkly» из Первого послания к Коринфянам апостола Павла. «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, тогда же увидим лицом к лицу». Речь о том, что мы пока не в состоянии узреть истинный мир и видим лишь его смутное отражение[2]. Но «когда настанет совершенное» и придёт время Бога, истина раскроется во всём своем божественном великолепии. Scanner в романе — не сканер, но видеокамера, которую устанавливают в доме героя и с которой сравнивают потом его самого.

Но пусть будет «Помутнение». Формально роман описывает бытие наркомана Боба Арктора, который, как и его дружки, сидит на субстанции «С». В действительности Боб — это законспирированный агент Отдела по борьбе с наркотиками Фред, пытающийся выявить поставщиков наркотика. Поскольку все агенты ходят в особых костюмах-болтуньях, никто, даже коллеги, не в курсе, что Фред — это Боб. Беда в том, что субстанция «С» разрушает связи между полушариями мозга: в начале истории Фред и Боб — одно лицо, но чем дальше, тем меньше они помнят друг о друге. Субстанция «С» создаёт две личности в одном теле, развивая шизофрению.

Этот Ктулху с иллюстрации журнала Rolling Stone пролез в мир Филипа Дика явно из совсем другой реальности

В этом романе Дик описывает себя в самых разных лицах: как С.А. Пауэрса, учёного, переборщившего с витаминами и «поймавшего» поток абстрактных картин; как

Тони Амстердама, который встретился с Богом, а потом всюду видел обрисованную алыми и золотистыми лучами дверь, а за ней — «всегда одно и то же: лунный свет и вода»; как Барриса, безумного доносчика и врун; и, само собой, как Фреда и Боба, человека с раздваивающейся психикой.

Если бы Дик и правда захотел показать распад личности, тут можно было бы ставить точку (но в романах Дика нет точек). Как выясняется, начальство подставило Фреда/Боба, причём с благой целью. Окончательно забывшего себя героя помещают (под уже третьим именем — Брюс) в «Новый путь», якобы лечебницу для наркоманов, заведение, выращивающее растения, из которого делают субстанцию «С»: «А иначе никак нельзя… Туда допускают только абсолютно выгоревших, безвредных, от которых осталась одна оболочка… Вроде Брюса. Он должен был стать таким, каким стал». И Брюс, не помнящий абсолютно ничего, в финале каким-то глубинным разумом понимает, что должен спрятать вот этот голубой цветочек в ботинок — и подарить его друзьям. Он уже не Фред и не Боб, он ничего не сознаёт, не воспринимает реальность. Но исходное намерение — спасти мир от субстанции «С» — исчезнуть не может, и потому план срабатывает.

Мораль в том, что личность Фреда/Боба не может не распасться — ведь иначе он не выполнит задание. Бодхисаттва, возвращаясь из нирваны в сансару, теряет память — чтобы не потерять свою суть. И ещё: субстанция «С» — не что иное, как Смерть (по-английски — Substance D, Death). Латинское название растения, из которого его производят, — Mors ontologica: «Смерть духа, личности, сути». Вы до сих пор уверены, что «Помутнение» — о наркотиках?

Сам того не понимая, Дик прямым текстом пишет о себе. Вот Боб Арктор зачитывает (или выдумывает) цитату из некоего философа: «Каждый видит лишь крохотную долю глобальной истины и очень часто, на деле — почти всё время, сознательно лжёт себе и про этот маленький драгоценный фрагмент». Точно как Бог из «Всевышнего вторжения» с Его двумя разумами: повреждённым поверхностным и глубинным — онемевшим, но подающим поверхностному знаки. В «Помутнении» цитата прерывается отрывком из «Фауста» Гёте:

> Ещё ль в тюрьме останусь я?
> Нора проклятая моя!
> Здесь солнца луч в цветном окне
> Едва-едва заметен мне…

Это говорит Боб Арктор — человек, запертый в Чёрной Железной Тюрьме, она же Империя. Но Боб Арктор — ещё и Фред, тайный агент из тех, кто может победить Империю, вырвать с корнем Mors ontologica. Когда врачи сообщают бедняге Фреду, что его сознание раздвоилось, он слышит некий голос: «Тогда сбудется слово написанное. Поглощена смерть. Победою. Поскольку, едва написанное узрится наоборот, ты познаешь, что есть иллюзия и что нет. Смешенье кончается, и смерть, последний враг, Субстанция «С», поглощена не телом, но — победою. Говорю тебе священную тайну: не все мы умрём». Это тоже Первое послание к Коринфянам («узрится наоборот» — намёк на зеркало), только к нему добавлен наркотик, который явно и не наркотик вовсе, но метафора: смерть духа — ровно то, что впаривают нам имперские толкачи. И то, с чем борются тайные христиане.

УТЕШИТЕЛЬ В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ

Чтобы бороться со смертью, нужно стать мёртвым. Если борьба с Империей означает заражение имперским безумием, единственный способ по-настоящему победить Империю — это забыть, кто ты есть, и добровольно сесть в Чёрную Железную Тюрьму. Изнутри кажется, что Империя вечна и непобедима. Фокус в том, что ты не только внутри этой клетки. Ты ещё и снаружи. Ты — задрипанный наркоман Боб Арктор, в голове которого страх смерти каждый миг рвёт связи между истинной личностью и мнимой, так что мнимый Боб становится словно бы реальным. Так работает Империя. Но и тайный агент Фред, истинная личность, — тоже ты. Более того, ты останешься Фредом, собой, даже если станешь фактически мертвецом Брюсом.

И раз уж ты не перестаёшь быть собой, тебе — Фреду — захочется помочь Бобу Арктору. Сказать ему, что нельзя сдаваться и терять надежду. Что на деле он — Фред, и он не сидит в Тюрьме, а побеждает её, но так, чтобы не заразиться её безумием. Это невозможно для Боба — но возможно для Фреда. Безумный Боб в это не поверит, но намекнуть-то можно. Скажем, если Боб — писатель-фантаст, то Фред подаст идею в форме фантастического романа. Или сна. Или статьи в журнале. Но лучше в форме романа. Это и будет твоим пробуждающим стимулом. А ещё лучше, чтобы название романа намекало на то, что сквозь него можно увидеть истину.

Гадательно, как через Книгу Перемен, — или как сквозь тусклое стекло.

Остаётся лишь один вопрос, ответ на который появился у меня по чистой случайности. Почему тайного христианина, который открывал Филипу Дику тайны вселенной, звали Фомой? [Я расскажу сейчас историю, которой сам не поверил бы.] Вообще-то имя «Фома» появилось лишь в Средние века, и пошло оно от единственного известного христианина Фомы — апостола, одного из учеников Иисуса. Занятно, что Дик, много рассуждавший о христианстве, так и не попытался разузнать, что означает слово «Фома» — он был уверен лишь, что это не апостол, а почему — непонятно: никем иным, кроме апостола Иуды (не предателя, а другого), прозванного «Фомой», он быть не мог. Прозвище «Фома» — греческая транскрипция арамейского слова, которое переводится как «близнец», и уж этот-то факт обязан был дать Дику пищу для размышлений: он никогда не забывал о смерти собственной близняшки, сёстры

Джейн, прожившей немногим больше месяца (они и похоронены в одной могиле). Однако близнец Филип Дик — при всей его феноменальной эрудиции — нигде и никогда не называет Фому близнецом.

Филип Дик похоронен в одной могиле с сестрой, умершей во младенчестве

…Которым новозаветный Фома, невзирая на прозвище, мог и не быть. Этот апостол известен как Неверующий — он усомнился в воскресении Иисуса. Именно поэтому прозвище Фомы принято толковать не только как «близнец» — непонятно, чьим он был близнецом, хотя есть версия, что апостол походил лицом на Иисуса, отчего и получил такую кличку, — но и как [я это не придумал, а узнал, когда дописывал статью, — попросту заглянул в Википедию, честное слово]«человек двоящейся природы». В том смысле, что он вечно во всём сомневался. Одна его половина вроде как верила в Бога и спасение в жизни вечной, а другая — вроде как нет.

Я не ожидал найти здесь параллель с «Помутнением» и всей жизнью Дика — но эта параллель очевидна. Кстати, мученическую кончину апостол Фома принял между 68 и 72 годами нашей эры. Видимо, тогда реальное время для него кончилось, чтобы вновь начаться 20 февраля 1974 года.

Конечно, это только версия — но, согласитесь, версия вполне в духе Филипа Дика.

[Так что в клетку угодил не Филип Дик. Туда угодил A.R.L. — и стал Филипом Диком, хотя и остался собой. Такой он человек — двоящейся природы. И я ничего не могу утверждать, но мне кажется, что, когда 2 марта 1982 года сердце Дика остановилось, где-то, где нет и не будет Чёрной Железной Тюрьмы, A.R.L. отнял пальцы от клавиш пишущей машинки. Он не стал писать THE END. Если Империя не кончалась, то пространство, в котором тайные христиане победили Империю, не имеет конца настолько, что мы, живущие в клетке Империи, не можем этого себе вообразить — ни вы, ни я, ни Филип Дик. А вот A.R.L. может.

Прости, Фил, что я так глупо тебя зашифровал — просто сменив раскладку клавиатуры. Никакой не A.R.L., конечно, а Ф.К.Д. Писатель, который ради того, чтобы стать собой, сочинил себе жизнь и прожил её своим же персонажем. Тайный христианин Фома, сам себе Параклет-Утешитель. Бодхисаттва, который отчаянно сигналил самому себе — добровольно попавшему в имперскую клетку, чтобы одолеть её, и позабывшему о том, кто он такой. Человек, который был наркоманом Бобом Арктором, но не переставал быть тайным агентом Фредом, спасающим всех духовных наркоманов на свете. Собственный адресат, тайком от себя передававший в тюрьму зашифрованные письма-романы, которые и были делом его жизни. Как сказано в апокрифе «Евангелие Истины»: «Когда свет освещает страх, в который он впал, он понимает, что этот страх — ничто». Ты ведь понял в последний момент, чей свет видел все эти годы?

Как поёт БГ, «мы так давно здесь, что мы забыли, кто мы». Привет тебе из печального предела Империи, где бы ты ни был. До встречи]

DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?
Художник — mrtnljmn.deviantart.com

notes

Примечания

1

В русских переводах роман Абендсена называется «Саранча садится тучей», «И саранча легла густо», «Из дыма вышла саранча», «Саранча, застилающая небо», «Тучнеет саранча». Ни одного кузнечика!

2

Греческое слово «эзоптрон», переведённое на русский как «стекло», могло обозначать как призму, так и металлическое зеркало, дающее нечёткое отражение. Судя по тексту романа, Дику были знакомы оба значения термина.